

Литература

Гегель. Энциклопедия философских наук: В 3 т. М., 1974. Т.1.

Л.А. КЛЕНОВ

г. Екатеринбург

ПРОБЛЕМА КУЛЬТУРНОЙ ИДЕНТИФИКАЦИИ ЛИЧНОСТИ В СОВРЕМЕННОЙ РОССИИ

В России начала XXI века заметно усилились процессы, связанные с кризисом народного самосознания и утратой личностью социокультурной идентичности. В обществе разрастается нигилизм, утрачивается гордость за свое Отечество и историю русской культуры, происходит эрозия нравственного достоинства и чувства ответственности за родную землю. Ценности отечественной культуры, ее истинное благородство и красота замещаются утилитарными мирскими благами современной западной цивилизации. Человек настраивается на внешнее, идентифицирует себя с ним, не беря во внимание простую вещь: «Жизнь показывает, что человек, настроенный на внешнее, никогда не удовлетворяется просто необходимым, а всегда стремится, помимо этого, получить что-то еще большее и лучшее, которое он, верный своему предрассудку, постоянно ищет во внешнем. <...> Насыщение всем “необходимым”, несомненно, есть источник счастья, который нельзя недооценивать, но помимо этого свои требования выдвигает и внутренний человек, и эти требования невозможно утолить никакими внешними благами. И чем слабее этот голос будет доноситься сквозь шум погони за удовольствиями мира сего, тем более внутренний человек будет превращаться в источник необъяснимого злополучия и непонятных несчастий в жизненных условиях, позволяющих надеяться на нечто совсем иное» [11. С.61-62]. Одно лишь удерживает нашего современника от окончательной утраты самоидентичности – это неподвластная логике сиюминутной выгоды *традиция русской культуры*. Благодаря именно этой традиции продолжает сохраняться народный менталитет и народный характер, а, также, свойственное человеку русской культуры, целостное и соборное мировоззрение.

Не идеализируем ли мы традицию русской культуры, связывая именно с ней надежное основание идентификации личности в условиях современной России? И в чём заключается проблема этой идентификации? Ответ на данные вопросы предполагает решение следующих задач: 1) рассмотрение содержания понятия «традиция», а также роли традиции в функционировании и развитии культуры; 2) анализ проблемы культурной

идентификации личности в связи с выявлением своеобразия Традиции русской культуры.

1. Обычно под традицией понимается все то, что переходит от одного поколения к другому, что наследуется от предшествующих поколений (идеи, взгляды, вкусы, образ действий, обычаи и т.п.). Традиция (от лат. tradition – передача; предание) – это элементы социального и культурного наследия, передающиеся от поколения к поколению и сохраняющиеся в определенных общественных классах и социальных группах в течение длительного времени. В этом смысле традиция – фундаментальная характеристика культуры и основополагающий принцип ее функционирования, поскольку культура основывается на исторически сложившихся и передаваемых из поколения в поколение обычаях, порядках и правилах поведения. В качестве основополагающего принципа функционирования культуры традиция была реализована в древневосточных обществах (отсюда понятия: «традиционное общество» и «традиционная культура»).

С современной точки зрения традиция – необходимое условие функционирования и развития культуры, ибо подлинная культура всегда есть синтез традиции и новации. Культура есть творчество, укорененное в традиции, или *мера развития продуктивно-творческих сил* человека, представляющая связь между нематериальной сверхценностью (сущностью традиции) и материально-преобразующей деятельностью человека как субъекта общественных отношений. В этой связи представляется существенным различие Традиции и традиций. Если Традиция есть условие существования культуры, то традиции – это лишь совокупность повторяемых на протяжении длительного времени обычаев, навыков, правил поведения и т.п., которыми в чрезвычайных условиях можно и пожертвовать, не утрачивая, при этом, культурной идентичности.

К Традиции как условию существования культуры «имеет отношение только то, что включает в себя элементы сверхчеловеческого порядка <...> традиция в определенном отношении и есть осознанная и эффективная связь человека с высшими состояниями бытия» [3]. Иначе говоря, *культура в своей основе религиозна* и, поэтому, в состоянии бороться со смертью, стремиться к воскресению и вечности. Именно Традиция сообщает культуре подлинное благородство: «Благородство всякой истинной культуры определяется тем, что культура есть культ предков, почитание могил и памятников, связь сынов с отцами. Культура основана на священном предании. И чем древнее культура, тем она

значительнее и прекраснее. Культура всегда гордится древностью своего происхождения, неразрывной связью с великим прошлым. И на культуре почит особаго рода благодать священства. Культура, подобно Церкви, более всего дорожит своей преемственностью. В культуре нет хамизма, нет пренебрежительного отношения к могилам отцов» [1. С.48-249].

Современная западная цивилизация, «блага» которой ныне активно поставляются в Россию основывает все свои успехи и завоевания на смертоносной власти времени. Она не борется со смертью, не хочет вечности: «Цивилизация очень приятно и весело устраивается на кладбищах, забыв о покойниках. Цивилизация футуристична. В цивилизации есть хамизм зазнавшегося *parvenu*. Этот хамизм сообщается и культуре, которая хочет быть окончательно безрелигиозной» [1. С.249].

В обществе с развитой религиозной культурой проблемы культурной идентификации не существует, ибо человек приобщается к Традиции и совокупности традиций отечественной культуры с раннего детства, получая, тем самым, культурную идентичность по наследству. Эта проблема возникает в связи с широким распространением в обществе секуляризованной (мирской) культуры. И личность, сформировавшаяся в религиозно крепкой среде церковного традиционализма и подлинного благочестия, далеко не всегда выдерживает искус внерелигиозной и антирелигиозной культуры. Возникает угроза утраты идентичности, т.е. эмоционального и иного *самоотождествления* личности с тем, что составляет *образцы* мира религиозной культуры. Этого искусства и связанного с ним духовного кризиса трудно избежать. Пример тому — глубокий духовный кризис, испытанный К.Н. Леонтьевым. Сохраняя верность Церкви, Леонтьев также жадно впитывал в себя содержание светской культуры, что и привело его к духовному кризису, о котором он говорил как о борьбе *поэзии с моралью*: «Сознаюсь, что у меня часто брала верх первая, *не по недостатку естественной доброты и честности (они были сильны от природы во мне)*, а вследствие исключительно эстетического мировоззрения. Гете, Байрон, Беранже, Пушкин, Батюшков, Лермонтов..., с этой стороны в высшей степени развратили меня... Из человека с широко и разносторонне развитым воображением только поэзия религии может вытравить *поэзию изящной безнравственности*» [4. С.252-253].

В европейской истории процесс обособления культуры от веры, религии и церкви (процесс ее секуляризации) ведет свое начало еще от эпохи Возрождения. Постепенно нарастая, он привел к тому, что в XX

веке, по словам И.А. Ильина, образовался «широкий антихристианский фронт, пытающийся создать нехристианскую и противохристианскую культуру» [5. С.285]. Более того, «Все, что произошло в мире в двадцатом веке и продолжает совершаться и ныне, свидетельствует о том, что христианское человечество переживает глубокий религиозный кризис. Широкие слои людей утратили живую веру и отошли от христианской церкви. Но, отойдя от нее, многие не остались к ней безразличны: они усвоили себе настроение отчужденности, осуждения и вражды» [5. С.285]. Эти слова И.А. Ильина в первую очередь следует отнести к тем духовным процессам, которые имели место в советский период истории русской культуры. Но, будучи в своей основе атеистической, эта культура, тем не менее, не размывала таких традиционных ценностей русской культуры, как, например, *труд и социальная справедливость*. В условиях же постсоветской России эти фундаментальные ценности извращены, и это произошло одновременно с реставрацией основ религиозной культуры. И культура ныне подошла к ситуации, которую действительно можно назвать «культурным хаосом» или «Смутным временем» культуры. Социокультурная реальность современной России крайне противоречива: «Ценностные ориентиры перепутаны настолько, что в едином пространстве существуют несовместимые идеалы, исключающие возможность конструктивного диалога. <...> Россия стала остро ощущать кризис культурной идентичности на всех уровнях...» [2. С.381-382].

Для ответственно мыслящего человека стало сегодня совершенно очевидным, что *проблема поиска культурной идентичности много существеннее проблемы обретения материального благополучия*. В этой связи возникает принципиальный вопрос о качественном своеобразии Традиции русской культуры.

2. С религиозной точки зрения культура рождается из культа, и истоки ее Традиции сакральны. Однако зачастую религиозная культура отождествляется с религиозной традиционностью народной культуры, т.е. не делается различия между Традицией и совокупностью традиций религиозной культуры. И в этом случае критика устаревших традиций нередко оборачивается отрицанием самой Традиции. Несомненно, значительный объем традиций важен для устойчивости религиозной культуры и, вместе с тем, представляется очевидным, что от некоторых из них следует отказаться, если они вступают в противоречие с прогрессивным обновлением общества и начинают тормозить его развитие. Так, справедливо подвергая критике ряд отживших традиций

отечественной культуры, некоторые современные авторы, сторонники светской гуманистической культуры, восстают на саму Традицию: «Обновления России следует ожидать не от возрождения духовных традиций предков, на 99% состоящих из дремучих предрассудков и гнусного домостроя, а от порвавшего с ними молодого поколения. Ему предстоит вновь “зачать” Россию – свободную, современную Россию, а не донашивать обноски старых “Рассей”, волоча их шутовской наряд, в котором колпак юродивого венчает царские аксельбанты, украшающие ленинско-сталинский френч, к которому пристегнуты брюки с казачьими лампасами, а в завершение – онучи с крестьянскими лаптями. Хороша Россия, нечего сказать!» [9. С.133]. Иной точки зрения придерживаются сторонники современной российской версии традиционализма, считая, что «в настоящее время ортодоксальная православная церковь представляет собой единственную твердую основу для национального самоопределения...» [10. С.55].

Думается, что в настоящее время проблема культурной идентификации заключается не в том, что русская религиозная и светская культура – это две совершенно разные культуры, и личность должна остановить свой выбор на одной из них, решительно порывая с другой, а в том, что та и другая – два различных аспекта бытия единой Традиции русской культуры и соответствующий выбор должен сопровождаться адекватным этой Традиции способом личностного с ней самоотождествления.

Следовать Традиции и быть ее ортодоксом – это не одно и то же. Так, например, с точки зрения ортодоксальной православной церковности времен Сергия Радонежского, его деяния по обустройству монастырской жизни выглядели новаторскими. В Византии, откуда пришло к нам Православие, монастыри были «особножитными», и монахи собирались вместе только на общие богослужения. В своей же обители Сергей Радонежский возродил раннехристианскую этику совместной жизни, совершив переход монахов от обособленного жительство к общему. Здесь расставание с привычными традициями, ориентирующими на развитие индивидуалистической психологии, привело к возникновению сложной, жизнеспособной, духовно-просветленной общности и, тем самым, укрепило Традицию, ее высший и неизменный принцип служения Троице, воплощенной в добре, духовности и созидании [7. С.920].

Светская культура, не разменявшая свои высшие ценности на иллюзорные блага, есть также служение добру, духовности и созиданию.

Это утверждение в полной мере можно отнести и к советскому периоду в истории русской культуры. В этой связи нельзя согласиться с мыслью о том, что советская культура свелась лишь к обеспечению системы и иерархии ценностей тоталитарного общества и что она наделила «простого человека» статусом второго сакрального понятия в иерархии своих ценностей: «Понимание человека в культуре советского общества складывалось на основе философии “титанизма”. Это означало, что автономной личности в этой культуре нет. А есть лишь могучий коллектив – титан, который может все, которому подчиняются все. На отдельного человека переносились все качества идеального общества. На том же основании в иерархии ценностей советской культуры создается институт ее героев» [2. С.296-297]. Отметим, не идеализируя реалий советской культуры, что при всей противоречивости ее традиций, она в принципе не порывала с Традицией.

Качественное своеобразие Традиции русской культуры заключается в том, что в ней нет, и не может быть *противопоставления* и обособления *религиозного и светского начал*; она либо есть, либо ее нет, и никакие, даже самые блестящие традиции, не заменят ее отсутствие. Традиция русской культуры жива. Это единая, неизменная и целостная Традиция добра, духовности и созидания, или «великая борьба вечности с временем, великое противление разрушительной власти времени» [1. С.249].

Можно привести множество литературных произведений, в которых раскрывается качественное своеобразие Традиции русской культуры. «Ключи Марии» Сергея Есенина – один из самых выразительных примеров. В этой небольшой статье, написанной поэтом в сентябре 1918 года, речь идет о русском бытовом орнаменте:

«Самою первую и главную отраслью нашего искусства с тех пор, как мы начинаем себя помнить, был и есть орнамент... Весь абрис хозяйственно-бытовой жизни свидетельствует нам о том, что он был, остался и живет тем самым прекрасным полотенцем, изображающим через шелк и канву то символическое древо, которое означает “семью”...

Все наши коньки на крышах, петухи на ставнях, голуби на князьке крыльца, цветы на постельном и тельном белье вместе с полотенцами носят не простой характер узорочья, это великая значная эпопея исходу мира и назначению человека. Конь как в греческой, египетской, римской, так и в русской мифологии есть знак устремления, но только один русский мужик догадался посадить его себе на крышу, уподобляя свою хату под ним колеснице. Ни Запад, ни Восток, взятый вместе с Египтом, выдумать

этого не могли, хотя бы тысячу раз повторили себя своей культурой обратно. Это чистая черта Скифии с мистерией вечного кочевья. “Я еду к тебе, в твои лона и пастбища” – говорит наш мужик, запрокидывая голову конька в небо. Такое отношение к вечности как к родительскому очагу (курсив наш – Л.К.) проглядывает и в символе нашего петуха на ставнях. Известно, что петух встает вместе с солнцем, он вечный вестник его восхода, и крестьянин не напрасно посадил его на ставню, здесь скрыт глубокий смысл его отношения и восприятия солнца. Он говорит всем проходящим мимо его избы через этот символ, что “здесь живет человек, исполняющий долг жизни по солнцу. Как солнце рано встает и лучами-щупальцами влагает в поры земли тепло, так и я, пахарь, встаю вместе с ним опускать в эти отепленные поры зерна труда моего. В этом благословение моей жизни, от этих зерен я сыт и этот на ставне петух, который стоит стражем у моего окна и каждое утро плеском крыл и пением встречая выкатившееся из-за горы лицо солнца, будит своего хозяина”. Голубь на князьке крыльца есть знак осенения кротостью. Это слово пахаря входящему. “Кротость веет над домом моим, кто бы ты ни был, войди, я рад тебе”. Вырезав этого голубя над крыльцом, пахарь значением его предупредил и сердце входящего. И изображается голубь с распростертыми крыльями. Размахивая крыльями, он как бы хочет влететь в душу того, кто опустил свою стопу на ступень храма-избы, совершая литургию миру и человеку <...>

Мы заставили жить и молиться вокруг себя почти все предметы. Вглядитесь в цветочное узорочье наших крестьянских простынь и наволочек. Здесь с какой-то торжественностью музыки переплетаются кресты, цветы и ветви. Дерево на полотенце – значение нам уже известное, оно не на чем не вышивается, кроме полотенца, и опять-таки мы должны указать, что в этом скрыт весьма и весьма глубокий смысл.

Дерево – жизнь. Каждое утро, встав ото сна, мы омываем лицо свое водою. Вода есть символ очищения и крещения во имя нового дня. Вытирая лицо свое о холст с изображением дерева, наш народ немо говорит о том, что он не забыл тайну древних отцов втираться листвою, что он помнит себя семенем надмирного дерева, и, прибегая под покров ветвей его, окунаясь лицом в полотенце, он как бы хочет отпечатать на щеках своих хоть малую ветвь его, чтоб, подобно дереву, он мог осыпаться с себя шишки слов и дум и струить от ветвей-рук тень-добродетель.<...>

Таким образом, разобрав весь, казалось бы, внешне непривлекательный обиход, мы наталкиваемся на весьма сложную и

весьма глубокую орнаментальную эпопею с чудесным переплетением духа и знаков. И “отселе”, выражаясь пушкинским языком, нам видно “потоков рождение”» [8. С. 190-192].

В представленных выше замечательных строках поэта содержится не только «слепок» народного соборного сознания, его представление о всеединстве и «узловой завязи» с миром. «Ключи Марии» являются ключами к самой Традиции русской культуры. Сегодня этими ключами владеют уже немногие, и проблема культурной идентификации личности заключается, прежде всего, в том, чтобы этими ключами овладел каждый человек русской культуры, чтобы он научился прочитывать символы ее Традиции, видеть их глубокий смысл и чтобы, в соответствие с заветами Сергия Радонежского, труд человека стал его важнейшей, неизменной молитвой.

Говоря о глубинных истоках Традиции русской культуры, следует подчеркнуть, что они восходят к заре становления рода человеческого, к тому времени, когда все народы Земли имели общую культуру и верования. Эта древняя культура сохранилась в Русской Северной Традиции:

«Мы члены русского рода. И род сей жив и продолжается и сохраняет Обычай (Традицию).

Слово Традиция есть отголосок присловия, древнего и теперь забытого: “то – Родице”. И вот что значит присловие. Родица – душа Рода. Его незримая покровительница Белая Дева. Ангел-хранитель Рода...Так вот, любое следование канону:

- памятование преданий;
- постижение мудрости, выверенной тысячелетиями;
- почитание предков...

Это приношение Родице. *То Родице* угодно, благословенно, – судили предки. И отголосок их слов сохранился в этом, как будто иностранном, слове *Традиция*» [6. С.3].

Север – это всегда вечность, дух, полнота, свет, единство и чистота. Следовательно, идентификация личности в духе Русской Северной Традиции – это ее самоутверждение в светлой мысли, живом слове и добром деле. Приношение Родице солнечно светлой мысли как соли земли русской, живого слова, идущего от любящего сердца и рождающего миры, прави доброго дела как веления совести – все это и составляет, на наш взгляд, самоидентификацию личности в сущностных определениях Традиции русской культуры.

Литература

1. Бердяев Н.А. Философия неравенства. М., 1990.
2. Березовская Л.Г., Берлякова Н.П. История русской культуры: Учеб. для студ. высш. учеб. заведений: В 2 ч. Ч.2. М., 2002.
3. Генон Р. Очерки о традиции и метафизике. [Http://trditionallib.narod.ru](http://trditionallib.narod.ru)
4. Зеньковский В.В. История русской философии. Т.1. Ч.2. Л., 1991.
5. Ильин И.А. Собрание сочинений: В 10 т. Т.1. М., 1993.
6. Исконный триглав / Альманах. М., 2005.
7. Калашников М., Кугушев С. Спецназ Всевышнего: книга-расследование. М., 2006.
8. Цит. по: Панов Е.Д. Смысл жизни и истории с позиции эзотерики. М., 2001.
9. Сушков Б.Ф. Русская культура: новый курс. М., 1996.
10. Традиция и русская цивилизация. М., 2006.
11. Юнг К.Г. О психологии восточных религий и философий. М., 1994.

В.Д. ЖУКОЦКИЙ, *З.Р. ЖУКОЦКАЯ*

г. Нижневартовск

СВЕТСКАЯ КУЛЬТУРА ОБРАЗОВАНИЯ И ПОИСК ИДЕНТИЧНОСТИ

Так исторически сложилось на Руси, что задачу развития системы образования ставило перед собой государство российское, причем не только светского образования, но и церковного. Об этой парадоксальности русской истории подробно писал П.Н. Милуков в своих знаменитых «Очерках по истории русской культуры». Дело в том, что в рамках западной культурной традиции вся система образования, и церковного и светского, долгое время создавалась и находилась под особым церковным покровительством. Более того, понадобилась целая секуляризационная эпоха отвоевания государством этой привилегии церкви. Но и после известного разграничения функций светского и церковного в общей системе образования церковное влияние оставалось заметным [1. С.13-28].

В России это влияние также имело место, хотя оно в значительной мере было опосредовано самодержавным государством, бравшим на себя функции *светского* церковного влияния. В современной науке это получило наименование *идеократии*, как разновидности или неявной формы теократии. В советское время эта модель вновь сработала, с той